

РОМАН ПОКОЛЕНИЯ

АЛИСА
ГАНИЕВА

ЖЕНИХ *и* НЕВЕСТА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕПЕНЫ
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г19

Художник *Виктория Лебедева*

Фото автора на переплете *Екатерина Мусаткина*

Ганиева, Алиса Аркадьевна.

Г19 Жених и невеста : роман / Алиса Ганиева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 318, [2] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-110803-8

Алиса Ганиева — прозаик, эссеист, автор повести «Салам тебе, Далгат!» (премия «Дебют»), романов «Праздничная гора» (шорт-лист премии «Ясная Поляна») и «Оскорбленные чувства»; лауреат молодежной премии «Триумф».

Роман «Жених и невеста» был удостоен второго приза премии «Русский Букер».

Свадьба на Кавказе — дело ответственное, самое важное. «Почему тебе уже 25, а ты еще не замужем?» — пристают к героине советчики. «Найдешь невесту к заданной дате, зал уже забронирован» — наказывают герою обеспокоенные родители. Но когда в дело вмешиваются гадалки и узники, сплетницы и любопытные, фанатики и атеисты, реальность совершенно мешается с суеверием, поэзия жизни с прозой, а женихи с невестами.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ганиева А.А., 2018.

© ООО «Издательство АСТ», 2018.

ISBN 978-5-17-110803-8

1

Бутыль незнакомца

Когда мы, промокшие, вбежали в полупустой вагон и плюхнулись на ободранную скамейку, Артур не переставая смеялся:

— Вы сумасшедшие! Политсобрание в двадцать первом веке!

В окна электрички тарабанил дождь. Мы ехали на дачу к каким-то богемным друзьям Марины, с которой я работала в подвале московского суда, подшивая и переписывая бумаги. Платили нам крохи. Писанина сводила пальцы до боли, ладони пачкались въедливыми чернилами. Но мы почему-то считали эту бессмысленную пытку какой-никакой, а практикой.

Артур, Маринин приятель, с удовольствием слушал про наши судебные нравы. Он уже куражился, хотя вроде и не выпил. Хохотал, переспрашивал, в запале хлопал себя по ляжкам.

— Бомба, это бомба!

— Да, Артурчик, это не фантастика, — кокетливо поддакивала Марина. — Начиная с этой недели, мы приходим на полчаса раньше, чтобы всем коллективом на планёрке обсудить мировые новости. Крепче сплотиться против врага.

— Какого врага?

— Опасного врага, ощерившего гнилую пасть, — чеканила Марина, — который мечтает разбить наши скрепы.

— Духовные скрепы?

— Разумеется, духовные, Артурчик.

Двери, ведущие в тамбур, со скрипом раздвинулись, и вошёл довольно неотёсанной наружности человек с аккордеоном, в резиновых сапогах. Он играл что-то плаксивое, мелодия казалась знакомой, и я чуть было не наклонилась к Марине за подсказкой. Но, устыдившись своего невежества, вильнула ногой и раздумала.

— А вы, Патя, давно в Москве? — обратился ко мне Артурчик сквозь звуки аккордеона.

— Год! — закричала я ему в ухо, перегибаясь через Марину. — Мне старший брат предложил попробовать поработать в Москве.

Я, правда, не стала уточнять, что, собственно, на год меня и приглашали, и вот он уже истёк, и мне, по всей видимости, придётся возвращаться домой в свой посёлок.

Так и не угаданная мною мелодия уплывала от нас по проходу в соседний вагон, за стёклами мчался, подпрыгивая в брызгах дождя и не желая нас отпускать, июньский город. Было довольно прохладно для лета. Марина куталась в кофту и зачем-то разъясняла Артуру:

— Учти, твою самбуку Патя пить не будет. Она непьющая. У них же в стране это... мусульманство. Правда, Патя?

Марина никак не могла выучить, что я вообще-то не иностранка и пить себе не запрещаю. Но я решила не перебивать.

— И приставать к ней тоже нельзя, — продолжала Марина, — а не то от неё женихи откажутся.

— У тебя что, много женихов? — заёрзал от восторга Артур.

— Да нет у меня никаких женихов! — возмутилась я.

Марина, конечно, имела в виду тех нескольких недотёп, с которыми я таскалась на свидания. Один набрёл на меня в сетевой группе и стал сыпать цитатами из книг по достижению успеха и популярной психологии. Строил из себя опытного мыслителя. Разузнав, что зазнайка из моих родных краёв, я оживилась и согласилась из любопытства встретиться.

О, какая же это была ошибка! Кавалер оказался высоким, но большеголовым, с неприятно мелкими глазками. Я подумала было бежать прямо с места встречи, но он приметил меня издали и замахал свёрнутым в трубочку журналом «Деньги». Видно, угадал по фотографии.

— Чем промышляешь? — задал он сразу довольно странный вопрос.

— Ничем. Я ведь не промышленник, — выдавила я, раздражаясь.

Мы уже двинулись по улице и прошли несколько шагов, прежде чем он отреагировал:

— Как сказал Гилберт Честертон, человек, который хотя бы отчасти не юморист, — лишь отчасти человек.

Мне стало смешно, что он снова блеснул цитатой. Как будто он целыми днями заучивал их из толстого сборника.

— Читаешь «Деньги»? — кивнула я на журнал, чтобы что-то сказать.

— Нет, я их делаю, — ухмыльнулся он назидательно, явно любуясь своей остротой.

И тут же, как будто опровергая самого себя, остановился у самого дешёвого, набитого народом фастфуда:

— Приглашаю!

Дальше были мучительные сорок минут в очереди на кассу, а потом ещё за общим столиком с подростками-скейтбордистами. Большоголовый продолжал душить меня афоризмами, позыркивать своими черничинками и скрипеть картонным стаканчиком кофе по рассыпанному на столике сахарному песку. Он твердил, будто в его родном селе девушки так мучительно хотят за него замуж, что без конца плетут ахинею о том, как он им якобы названивает. Вздуродоруженные родители девушек потом прибегают к его домашним и жалуются: мол, ваш молодец вконец замучил наших дочек звонками, так пускай теперь женится. Но большоголовый тот ещё воробей, так просто в ковш не залезет. Да, иногда он и вправду по слабости даёт девушкам повод надеяться, но, как сказал Уинстон Черчилль, дурак тот, кто ни разу не ошибался...

Под конец он сделал царственный жест: заявил всё так же покровительственно, что мы сейчас немедленно отправимся в торговый центр выбирать ему брюки. Как будто приобщал к святыне. Я вскочила и забормотала, что никуда не пойду и вообще страшно спешу на рабочую встречу. Хотя какая у меня могла быть рабочая встреча? И сбежала не оборачиваясь. Он потом звонил, писал: «Как тебе я?», потом, не дождавшись: «Ты очень странная. У тебя поистине жуткий характер», потом: «Как жизнь, деловая?» — и окончательно выдохся.

Не успела я отойти от этого дурацкого эпизода, как меня вызвал брат, у которого я живу. Объявил, что его начальник на химическом предприятии, наш земляк, собрался меня знакомить со своим то ли внуком, то ли племянником. Это было странно, но я, конечно, не возражала.

Меня забрали вечером у суда. За рулём был шофёр, а сам начальник брата расположился вместе со мной на заднем сиденье. Это был бодрый пожилой мужчина, на вид лет шестидесяти, но на деле разменявший уже восьмой десяток. Сканировал меня хитрющими глазами, спрашивал про мою работу, а потом с упоением, то и дело хихикая про себя, зажурчал о своей. Мож-

но было подумать, что он не отделом химического предприятия заведует, а волшебным лесом с единорогами.

Уже в ресторане, угощая меня царскими блюдами (запечённый под сырной шапкой язык, сваренная с коньяком взбитая телятина, осётр в лаваше и так далее и тому подобное), дед вдруг разоткровенничался:

— Я за все свои восемьдесят три года ни разу не был влюблён.

Я поразилась:

— Ни разу? Но у вас жена, внуки!

— Ну и что, — лукаво прищурился он, — я женился только потому, что мама, упрашивая меня завести семью, начала снимать платок. Вы сами понимаете, позор для горца, если мать при нём разматывает платок. — Я понимала плохо, но он продолжал: — Смирился. Женился. И сколько же моей жене пришлось вытерпеть! Да я и до неё гулял.

И он поведал, как, будучи молодым, участвовал в качестве лётчика-истребителя в одном международном конфликте между арабами и евреями. Советы к этой операции официально отношения не имели и, чтобы хоть как-то замаскировать своё вмешательство, мобилизовали лёт-

чиков из национальных республик. Именно для того, чтобы те переговаривались по рациям на своих языках, а чужая разведка принимала их за арабов.

— Как же вы друг друга понимали? — удивлялась я этой провальной затее. — Вряд ли кто-то ещё из лётчиков знал, например, ваш лакский. А если вы все говорили по-русски, то в чём смысл маскировки?

Но старик меня не слышал, он упивался воспоминаниями. На их военной базе в столовой работала некая Маша, писаная русская красавица. У Маши был жених из местных, но ей хватило одного-единственного вальса с моим стариком, тогда ещё бравым лётчиком, чтобы забыть жениха напрочь. Она ходила за ним по пятам, отравляя своей красотой, но он не сдавался.

— Перед самой моей демобилизацией, в последнюю ночь, Маша пришла ко мне и пролежала... сейчас я могу спокойно об этом говорить... пролежала на моей кровати голая, умоляя принять её невинность. Но для меня это всегда было под запретом. Я никогда не портил девушек. Она понимала, что видит меня в последний раз, плакала, чуть ли не на коленях просила оставить ей на память этот подарок. Наутро я отправил

её из своей комнаты в прежнем, нетронutom виде.

— Но вы её ужасно обидели! — вырвалось у меня. — Наверняка быть вот так вот отвергнутой — ужасная рана.

— Она потом мне в этом как раз призналась.

— Вы её встретили?

— Через двадцать семь лет в московском метро. Еду в вагоне, а напротив меня сидит грузная такая, побитая жизнью незнакомая женщина, смотрит на меня не отрываясь и плачет. Слезы текут ручьями. Потом поезд остановился, она поднялась. Мне тоже нужно было выходить. Мы пошли друг за другом в одну сторону, к эскалатору. Двинулись через ступеньку, рядом: она выше, а я за ней. И тут она оборачивается и молча обнимает меня. Так мы до самого верха и простояли.

— Это была Маша?

— Да, по сравнению со мной она очень сильно изменилась. Мы завернули в кофейню и долго болтали. Она рассказала, что стала встречаться со своим женихом, и тот меня ненавидел. Пока не обнаружил после свадьбы, что жена девиственница. Он же был, как и все, уверен, что я с ней гулял. Зауважал меня за сбережённую

невесту. Поминал, оказывается, добрым словом. Но жизнь у Маши сложилась нехорошо. Ни любви, ни радостей. Тяжёлая работа, хозяйство. Муж запил. А вот если бы у бедняжки была та ночь, если бы я тогда поддался, она, кто знает, была бы счастливее.

Пока я слушала старика и ела, мне думалось, что он, конечно, преувеличивает. Пускает пыль в глаза. Что, кстати, довольно странно, учитывая его роль дедушки-свата. И где же, в конце концов, внук или племянник? Но никто не появлялся.

— Сколько вам лет? — спросил вдруг старик.

— Двадцать пять.

— Очень жаль, очень жаль, — он изменился в лице, опуская глаза в тарелку. — Я хотел познакомить вас с внуком, но вы старше него.

Я ощутила едкую досаду не то на неделикатного старика, не то на брата, который не прояснил эту деталь гораздо раньше.

— И вообще, внук давно живёт с подружкой. Мне это не нравится, вот я и решил вмешаться. Но вы, к сожалению, на целых два года его старше. Засиделись в девушках.

Когда я на следующий день рассказала об этом брату, тот и сам на меня напустился:

— Конечно, он прав! Скоро на тебя никто не посмотрит!

— Не надо копировать свою маму, — вмешалась Люся.

Люся — это русская жена брата, отчего мои родители до сих пор на нервах. Перед свадьбой до самого последнего момента выжидали, не рассылали приглашения — вдруг сын передумает. Маме всё время чудится, что от чужих женщин добра не жди. Что её любимого сына бросят, облапошат, высосут из него кровь, вытянут жилы. К тому же Люся никак не рожала. Они с братом объездили всевозможных врачей, те хором твердили, что оба супруга в совершенном порядке, но забеременеть Люся всё равно не могла. Папина мама, моя бабушка, звонившая по этому поводу из нашего посёлка, заключила, что царя небесного нужно как-нибудь умиловать, съездить за амулетом-сабабом* к шейху и тогда, может быть, он сообразовал. Брат только посмеялся.

* От *афаб*. «причина». Талисман, обычно в виде кожаного треугольника со вшитыми внутрь аятом из Корана и вольной молитвой, написанной на листочке духовным лицом. Ношение сабабов осуждается салафитами как проявление многобожия и неверия.